

Глава первая

Все безудержно зевали.

— Ну, куда направимся? — спросил Сюнкити. — В середине дня и пойти, наверное, некуда.

— Мы выйдем у парикмахерской, — решили Хироко и Тамико. Они-то были в настроении.

Ни Сюнкити, ни Осаму не возражали против того, чтобы высадить женщин. В машине оставалась одна Кёко. По этому поводу не возражали Хироко и Тамико. Сюнкити и Осаму, каждый по-своему, попрощались коротким кивком. Дамы надеялись, что «ничейный» Нацуо попрощается с ними теплее. И он полностью оправдал их ожидания.

Тысяча девятьсот пятьдесят четвертый год, начало апреля, где-то около трех часов дня. Автомобиль Нацуо с Сюнкити за рулем кружил по улицам с односторонним движением.

— Куда поедем?

— Ну, туда, где поменьше народу. На озере Асиноко пробыли два дня, там просто толпы людей. И на Гиндзе¹, куда потом вернулись, естественно, тоже.

¹ *Гиндза* — один из центральных кварталов и ведущий фешенебельный торговый район Токио. — *Здесь и далее примеч. перев.*

— Я как-то ездил рисовать в осушенные поля за Цу-кисимой, может, туда? — предложил Нацуо.

Все согласились, и Сюнкити развернул машину в нужную сторону.

В окрестностях Катидокибаси — пробка, это стало ясно уже издалека.

— Что там случилось? Может, авария? — предположил Осаму. Но по обстановке было понятно, что мост закрывают для подъема.

Сюнкити досадливо цокнул языком. «Тьфу, туда не получится. Обидно». Однако Нацуо и Кёко никогда не видели, как разводят мосты, и захотели посмотреть. Машину поставили поближе, перешли на другую сторону по металлическому мостику и отправились к месту действия. Сюнкити и Осаму всем видом выражали скуку.

Середина моста представляла собой металлическую плиту — эта часть и была закрыта для проезда. По краям стояли служащие с красными флажками, скапливались машины. Пешеходную зону преграждала цепь. Желаящих поглазеть хватало, но в толпе попадались и курьеры, которые рады были побездельничать, пока по мосту не пройти.

Пустая черная плита с проложенными по ней рельсами была неподвижна. С двух сторон за ней наблюдали люди.

Тем времен в центре появилось вздутие, постепенно поднялось, приоткрылась щель. Затем устремилась вверх вся громада: металлические ограждения по бокам моста, переброшенные между ними арки, столбы вместе с тусклыми фонарями. Нацуо это движение показало прекрасным.

Когда плита устремилась к вертикали, из углублений в рельсах вылетело облако пыли. Крошечные тени от бесчисленных болтов, постепенно сжимаясь, осели на креплениях, заметались изломанные тени от арок. А когда плита окончательно встала, тени снова застыли. Нацуо, подняв глаза, увидел, как над столбом лежащей арки скользнула чайка.

Так их дорогу неожиданно перекрыл большой железный забор.

* * *

Им показалось, что ждали они довольно долго. Когда мост снова заработал, интерес к поездке на осушенные земли уже поостыл. Осталось лишь ощущение некой обязанности: когда по мосту возобновится движение, нужно трогаться. Во всяком случае, всем было муторно от недосыпа, усталости после долгой поездки, теплой погоды, потому и голова отказывалась думать, менять планы. Раз уж дорога ведет к морю, стоит доехать до места. Все без лишних слов, позевывая, вяло вернулись в машину.

Машина проехала по мосту Катидокибаси, пересекла городок Цукисиму и снова мост — Рэймэйбаси. Вокруг, насколько хватало глаз, зеленели ровные заброшенные земли, расчерченные сетью стационарных дорог. Морской ветер ударил в лицо. Сюнкити остановил машину у таблички с надписью «Вход запрещен», отмечавшей взлетно-посадочную полосу на краю американской военной базы.

Нацуо вышел из машины и, наслаждаясь видом, спрашивал себя: что мне нравится больше — классиче-

ские руины или осушенные земли? Тихий и сдержанный, он редко высказывался. Мнения об искусстве копились у него внутри, не мучили, и Нацуо нравилось, что в их компании не ведут таких разговоров.

Однако глаза его впитывали без устали. Белый суперлайнер по ту сторону рукотворных пустошей, угольщик с верфей Тоёсу, пускающий из трубы облака белого дыма угольщик — такие вещи поистине упорядочены и прекрасны. Прекрасна весенняя равнина, которую целиком заполняют геометрически правильные площади осушенных земель.

Сюнкити вдруг припустил бегом. Просто так, неизвестно куда. Его фигура постепенно пропадала из виду на краю равнины.

— Тренировки завтра начинаются, а ему не терпится. Завидую тем, кто любым способом заставляет тело двигаться, — сказал Осаму — актер, пока не получивший настоящей роли.

— А он ведь и в Хаконэ¹ каждое утро бегал. Вот рвение-то, — сказала Кёко.

Сюнкити остановился, трое приятелей отсюда казались крошечными. Он чувствовал, что одного бега недостаточно, поэтому и в дождь не забывал по двадцать минут прыгать через скакалку в спортивном зале общезжития.

В группе, собравшейся вокруг Кёко, он был самым младшим. Капитан боксерской команды, в будущем году окончит университет. Его товарищи уже отучились. И Осаму. И Нацуо.

¹ *Хаконэ* — самый популярный курорт Японии, примерно в 100 км от Токио. Славится горами, природными красотами, термальными источниками.

Сюнкити, не придававшего особого значения манерам, впервые привел в дом Кёко старший товарищ, фанат бокса Сугимото Сэйитиро, и он как-то естественно влился в компанию. Своей машины у Сюнкити не было, но водил он превосходно, поэтому его очень ценили. Из-за увлечения боксерами люди самого разного возраста, профессии, положения интересовались им и оказывали знаки внимания.

Несмотря на молодость, он уже завел определенные убеждения. Например, совсем не думать. Во всяком случае, приучал себя к этому.

Что он делал вечером с Тамико — об этом Сюнкити уже забыл, когда сегодня утром один бежал по дороге вокруг озера Асиноко. Важно стать человеком без воспоминаний.

Прошлое... Он оставлял в памяти лишь нужную часть, лишь немеркнущие привязанности. Только те воспоминания, которые воодушевляют, поддерживают в настоящем. Например, о первой тренировке: поступив в университет, он тогда впервые пришел в боксерский клуб. Или о первом спарринге с партнером из старших товарищей.

Какой же длинный путь он прошел от воинственного пыла, охватившего его в том первом тренировочном бою, до сегодняшнего дня. Это случилось вскоре после того, как он поселился в общежитии. Сколько раз с тех пор вымыты руки, а он до сих пор остро, во всех подробностях ощущал бинты на них. Прикосновение грубого хлопкового полотна, которым традиционно заматывали запястья и кисти, прикрывали сверху костяшки. Он всегда любил свои далеко не изящные руки. Словно деревянный молот, бойцовские, крепкие, не подвластные чувствам и нервам. Линии на ладонях простые,

и ни одной, способной порадовать хироманта: темно-коричневую кожу прорезали глубокие прямые бороздки, предназначенные, чтобы руки сжимались или разжимались.

Сюнкити с удовольствием вспоминал. Два однокурсника надели на его протянутые руки тяжелые большие бесформенные перчатки для спарринга. Перчатки были старыми, потрескавшимися. Эти лиловые трещины избородили всю поверхность, кожа осыпалась, поэтому они выглядели скорее как скелет перчаток. Однако внутри эти неприглядные огромные перчатки мягко и тепло касались пальцев. Завязки плотно обвилились вокруг запястий.

— Не туго?

— На правой немного.

Подобного диалога он с нетерпением ждал целый месяц. Сюнкити напоминал быка, которого выращивают для боя: сколько удовольствия было в том, как ассистенты помогали ему, спрашивали, хорошо ли завязаны перчатки. Он всегда завидовал моменту в боксе, когда в перерыве между раундами бойцу дают прополоскать рот водой, налитой в бутылку из-под пива.

В любом случае это ведь для борьбы! О мужчине, который борется, необходимо заботиться.

Затем помощник надел на него шлем — его Сюнкити тоже примерял впервые в жизни. Он хорошо запомнил ощущение старой кожи, которой его короновали. Кожа на миг придавила горящие от волнения мочки ушей, а потом они выбрались наружу из специально вырезанных отверстий.

Рукой в перчатке он первым делом ткнул себя в подбородок, ударил по переносице, лбу. Сначала легко, потом решительнее. Горячий тяжелый мрак залил лицо.

— Вот все так делают на первом спарринге, — сказал сбоку его партнер.

Вспомнив это, Сюнкити покраснел. Насколько жалко все выглядело после того, как они поднялись на ринг и прозвучал возвестивший начало гонг! Намного ужаснее драк, в которых он до сих пор участвовал. Его удары не доставали соперника. А тот под разными углами метил в лицо, живот, печень, и его кулаки безжалостно достигали цели, словно он был тысячерукой богиней Каннон¹. Во втором раунде, когда прямой удар левой от усталости показался Сюнкити ватным и бессильным, он, наоборот, заслужил похвалу: «Вот сейчас левая — нормально». Он уловил тяжелое дыхание партнера, произнесшего «левая — нормально». Мстительная радость в тот миг, когда обнаружилась эта крошечная слабость. Вызванный этим прилив сил...

Сюнкити увидел перед собой по-весеннему мутное, серовато-голубое море. Вдалеке держал путь в порт типичный грузовой корабль водоизмещением в пять тысяч тонн. Тучи чуть затянули водный горизонт, но еще не сгустились. День стоял ясный, и белизна чаек просто слепила.

Сюнкити показал морю кулак. На лице появилось лукавое выражение. В желании стать боксером поначалу было лишь свойственное ему озорство.

То не была борьба с тенью, с невидимым партнером. Его соперником оказалось безбрежное, мглистое весеннее море. Зыбь, лизавшая причал, цепочкой тянулась до барашков волн. Враг, с которым не сразиться. Против-

¹ *Каннон* — одно из самых почитаемых буддийских божеств в Японии, в образе богини — милосердная заступница. Одно из распространенных обличий — Тысячерукая Каннон; эти руки символизируют безмерные возможности богини для спасения всех живых существ.

ник, сделавший своим оружием пугающее спокойствие, с которым поглощает тебя. Враг, который всегда чуть усмехается.

Троица, ожидавшая возвращения Сюнкити, уселась на каменные строительные блоки, все закурили. Осаму больше других походил на образцового отдыхающего: вид полностью отсутствующий.

Кёко и Нацуо давно заметили за ним эту особенность. После длительного молчания вокруг него возносила невидимая крепость, возникал только его, недоступный другим мир. Поэтому порой его считали скучным, или, иначе говоря, фантазером. Однако фантазии тут не было ни капли. Осаму — не мечтатель и не реалист — олицетворял самого себя здесь и сейчас. Кёко уже привыкла и не спрашивала: «О чем ты думаешь?»

При этом он вовсе не был одиночкой. Редко, наверное, встречаются мужчины, которые не выглядят одиночками, даже пребывая в одиночестве. Этот юноша, словно пережевывая жвачку, постоянно говорил о приятных волнениях, которые создавал себе сам. Например: «Я сейчас здесь. Существую. Но я и на самом деле существую?»

Для молодого человека подобное беспокойство не редкость, но у Осаму оно было особенным — доставляло удовольствие. И это удовольствие, скорей всего — нет, даже определенно, — проистекало из привлекательности самого Осаму.

Сюнкити бежал обратно. Его фигура на равнине становилась все крупнее. В косых лучах солнца четко обозначилась тень, которую отбрасывали правильно сгибаемые колени. Скоро он, мокрый от пота, раскрасневший-

ся, остановился рядом с сидящей компанией, дыхание ничуть не сбилось.

— Чем пахнет море? — спросила Кёко.

— Мочой, — сухо ответил Сюнкити.

Нацуо смотрел вдаль: ватерлиния делила трюм грузового корабля на черную верхнюю и ярко-красную нижнюю части, он размышлял о правильности и мощи этой линии. Да не только об этом. Бескрайний пейзаж пересекало и охватывало множество геометрических линий. А в струившемся от жары воздухе часть их, преломляясь, напоминала гибкие водоросли.

В памяти Осаму всплыл вечер дебютного спектакля, в котором участвовали стажеры. Он, в костюме гостиничного посыльного, по роли уже находился на сцене, поэтому тень от поднимавшегося занавеса постепенно ползла от ног вверх по телу. Его охватил трепет, когда его фигура медленно появлялась перед освещенными зрителями...

Кёко нравилось отпускать своих парней, поэтому она даже любила, когда они витали в облаках. К ней снова подкрадывалась усталость, возникшая после путешествия. Беспокоило ее лишь одно — как бы усиливающийся морской ветер не спутал волосы. Когда, прижимая волосы руками, она обернулась к машине, то увидела, что там собралось несколько мужчин. Посмотрев на нее, они рассмеялись.

На них были перепачканные землей рабочие куртки, обмотки и грубая обувь. Типичные землекопы с ближайшей стройки. У некоторых лоб охватывала повязка из полотенца, чтобы пот не заливал глаза. Пока они говорили негромко и смеялись над Кёко, ветер донес явный запах спиртного. Один поднял булыжник. Бросил

его на крышу машины. Раздался неприятный скрежет, рабочие снова засмеялись.

Сюнкити поднялся. Кёко тоже встала, собираясь его остановить.

Осаму медленно пробудился, но скорее не от грез, а от своей туманной реальности. Решение было отвергнуто прежде, чем он проявил находчивость. Ему еще не приходилось вступать в ссоры. Во всяком случае, не просто было поверить в то, что прямо сейчас разворачивалось перед его глазами.

Нацуо знал, что слаб, но без нарочитости прикрыл собой Кёко. Машину, которую ему меньше месяца назад купил отец, он водил еще плохо, просил Сюнкити быть за рулем. Он вдруг представил ее с безобразно поцарапанным лаком, разбитую. Однако Нацуо, с детства равнодушный к собственности, с какой-то мечтательностью во взоре наблюдал, как на его глазах собираются ломать его машину.

Сюнкити уже стоял спиной к машине, его окружили четверо.

— Что вы делаете! — крикнул он.

«А он заступается. Почему? Ведь машина — всего лишь собственность приятеля», — недовольно подумал Осаму. Он неправильно истолковал поведение Сюнкити, счел его борцом за справедливость.

Озлобленные чернорабочие что-то говорили, но без брани как таковой. Сюнкити прислушался. Они отпускали непристойности в адрес Кёко, смысл сводился к тому, что сопляки разъезжают на машине, делать им нечего — среди бела дня в таком месте развлекаться с женщиной. Когда старший из рабочих, который и бросил камень, приняв Сюнкити за владельца машины, обозвал его «буржуазенком», в нем от такой нелепости

взыграла сила. Для боя достаточно, чтобы тебя неправильно поняли.

Другой рабочий ударил камнем в стекло. Оно не разлетелось, но по нему, словно паутина, побежали заметные трещины. Сюнкити перехватил руку рабочего за запястье, не позволив ему повторить и разнести стекло вдребезги. Еще один рабочий хотел заехать грубым ботинком Сюнкити по ноге, но не сумел. Сюнкити развернулся и нанес удар ему в голову. Рабочий ничком рухнул в траву.

Кёко закричала, увидев, что старший изготовился бросить камень Сюнкити в спину. Сюнкити уклонился, как при ударе в голову, и, когда противник подался вперед, схватил его за воротник куртки, откинул назад и наградил апперкотом в подбородок.

Крик Кёко привлек внимание двух оставшихся рабочих. Они увидели женщину, которую прикрывал хлипкий юноша, и молодого человека позади них — рассеянного и одетого с иголки. Один схватил Кёко за рукав костюма, испачкав его грязью. Сюнкити, подскочив сбоку, проворно дернул Кёко за руку, и рабочий ударил его в грудь. Сюнкити отлетел на пару шагов, но устоял на ногах.

В глаза бросились белая рубашка соперника и пряжка ремня с облезлой позолотой. На животе рубашка встопорщилась, и вылезла латунная пряжка. Безвкусная вещица с гравировкой в виде серебристого цветка пиона. Сюнкити отметил про себя, что об эту штуку можно легко поранить пальцы. Не стоит калечить свои драгоценные руки.

Соперник разъярился. Для Сюнкити возникшее решение уже означало победу. Он беспрепятственно на-

нес несколько ударов по животу в белой рубашке — с удовольствием ощутил руками плоть, наслаждался тем, что есть куда бить. Эта человеческая плоть была идеальной мишенью, совершенством. От ударов рабочий упал на колени.

Еще один сбежал.

Тем временем Нацуо проскользнул на водительское сиденье и завел мотор. Кёко с Осаму и Сюнкити забрались внутрь, машина тронулась, они быстро пересекли мост Рэймэйбаси и влились в плотный поток, тянувшийся по кварталам Цукисимы. Нацуо сам поражался тому, как хорошо вел.

* * *

Какое-то время Сюнкити боролся с неприятным осадком, оставшимся после драки; ему казалось, будто тело все еще напряжено. Но вскоре принцип — не размышлять — заглушил эти ощущения.

Сюнкити запретил себе выпивать и курить. Драки и женщины обрушиваются на человека со стороны, с этим ничего не поделаешь. Однако стойком был не только Сюнкити. В доме Кёко собирались мужчины разных профессий и характеров, но в каждом было что-то от стойка. И у Осаму. И у Нацуо. Даже у Сугимото Сэйитиро — у него это проявлялось по-особому. Излишне стыдясь страданий и заблуждений юности, они приучили себя не говорить о таком и стали стойками высшей пробы. Они жили, стиснув зубы. С довольными лицами. Они должны были показать, что не верят, будто в их мире существуют несчастье и страдание. Обязаны были притворяться незнающими.

Машина ехала к дому Кёко в восточном квартале Синаномати¹.

Почему-то бывают дома, где обычно собираются мужчины. Открытый двор наводил на мысли о публичном доме. Здесь можно было шутить о чем угодно, нести любой вздор. И к тому же выпить даром. Ведь каждый приносил и оставлял здесь спиртное. Можно было посмотреть телевизор, можно — играть в маджонг, приходиться и уходить когда вздумается. Вещи в доме были общими: если кто-то приезжал на машине, ею свободно могли пользоваться все.

Явись отец Кёко привидением в этот дом, посетители привели бы его в ужас. Сама Кёко, не признающая сословных рамок, судила о людях по их привлекательности и принимала у себя дома гостей независимо от их социального статуса. Никто не мог сравниться с ней в преданности делу разрушения традиций. Она не читала нужных газет и тем не менее превратила свой дом в кладезь современных течений. Сколько она ни ждала, предубеждения не коснулись ее души, и она, полагая это своего рода болезнью, смирилась.

Подобно тому как люди, выросшие на чистом деревенском воздухе, подвержены инфекциям, Кёко заразилась идеями, которые вошли в моду после войны. И хотя кто-то от них излечивался, она не вылечилась. Она навсегда решила для себя, что анархия — нормальное состояние. Она смеялась, когда слышала, что ее ругают за аморальность, считая, что эта клевета стара как мир, но не заметила, что и в этом стала ультрасовременной.

Худощавая Кёко унаследовала от отца красоту, в которой проглядывали китайские черты. Слишком тон-

¹ *Синаномати* — один из округов района Синдзюку в Токио.

кие губы иногда портили лицо, но ощущение, что они внутри полные и теплые, контрастировало с их внешней холодностью и смягчало ее. Ей очень шла европейская одежда для зрелых женщин, а летом были к лицу яркие платья без рукавов и с открытыми плечами. Она никогда не носила корсет, только пользовалась обволакивающими ее духами.

Кёко признавала неограниченную свободу других. Обожала отсутствие порядка и стала бóльшим стоиком, чем остальные. Подобно врачу, который боится своих способностей к диагнозу и старается не пользоваться ими, она слишком хорошо знала о своей привлекательности, но не испытывала желания опробовать ее результаты. Кёко любила щегольнуть ею, но на том и останавливалась. Тихо радовалась, когда ее осуждали за распушенность, что было несущественно, и получала огромное удовольствие, когда люди принимали ее за официантку или девушку из дансинга, склонную к неприличному поведению.

Неверные суждения о ней составляли предмет гордости Кёко. Целый день она говорила исключительно о внешних событиях, а внутренний мир считала чем-то незначительным, не заслуживающим внимания. Неиссякаемым источником счастья для Кёко были случаи, когда молодые люди, влюблявшиеся в нее, примирались с ее холодностью и находили утешение с женщиной попроще.

Она не любила птиц, не любила собак и кошек — вместо этого питала неутолимый интерес к людям. У нее, своенравной единственной дочери, жившей с семьей в родительском доме, был муж, страстный любитель собак. Собаки отчасти стали причиной их супружества

и в конечном счете — причиной расставания. Кёко, оставив у себя дочь Масако, выставила мужа, а вместе с ним семь собак — немецких овчарок и догов — и постепенно избавилась от пропитавшего дом запаха псины. Он был для нее как вонь от презираемого всеми грязного мужчины.

У Кёко были странные убеждения. Она избегала встреч с супружескими и любовными парами. Мужчины обычно заглядывались на Кёко. И она до боли чувствовала, что мужчина изо всех сил сдерживается, желая ее больше жены или любовницы. Ее в мужчинах привлекали именно эти страдальческие взоры. У мужа такого взгляда не было. Вдобавок его склонности были сродни ее собственным: он просто наслаждался взглядами, полными подавленной страсти, потому, наверное, и обожал эту кучу собак. О-о! Стоит только подумать об этом, сразу бросает в дрожь. Только вообразить...

Дом Кёко прилепился к склону холма, и сразу за воротами открывался обширный двор. На станции Синамати внизу сновали электрички, небо вдали, повторяясь, перечеркивали две рощи: одна вокруг храма Мэйдзи, вторая — напротив него, у дворца Омия, резиденции вдовствующей императрицы. Наступил сезон цветения, но сакуры в этом пейзаже почти не было: лишь среди темной зелени рощи вокруг усыпальницы в храме раскинуло ветви, осыпанные, как и положено, цветами, гигантское дерево. С другой стороны взор привлекали неяркие вечнозеленые деревья, чьи стволы устремлялись ввысь: сквозь веер их переплетенных ветвей просвечивало сумеречное небо.

В небе над рощами порой появлялись стаи ворон, — казалось, будто там рассыпали зернышки кунжута. Кё-

Мисима Ю.

М 65 Дом Кёко : роман / Юкио Мисима ; пер. с яп. Е. Струговой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2023. — 512 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-22684-5

Юкио Мисима (1925–1970) — звезда литературы XX века, самый читаемый в мире японский автор, обладатель блистательного таланта, прославившийся как своими работами широчайшего диапазона и разнообразия жанров (романы, пьесы, рассказы, эссе), так и ошеломительной биографией (одержимость бодибилдингом, крайне правые политические склонности, хакакири после неудачной попытки монархического переворота).

«Дом Кёко» — история четырех молодых людей, завсегдатаев салона (или прихожан храма), в котором царит хозяйка (или жрица) Кёко. Эти четверо — четыре грани самого автора: тонко чувствующий невинный художник; энергичный боксер, помешанный на спорте; невостребованный актер-нарцисс, завороченный своей красотой; и бизнесмен, который, притворяясь карьеристом, исповедует нигилизм, презирает реальность и верит в неотвратимый конец света. А с ними Кёко — их зеркало, их проводница в странствии сквозь ад современности, хозяйка дома, где все они находят приют и могут открыть душу.

На дворе первая половина 1950-х — послевоенный период в Японии закончился, процветание уже пускает корни и постепенно прорастает из разлухи, но все пятеро не доверяют современности и, глядя с балкона Кёко, видят лишь руины. Новая эпоха — стена, тупик, «гигантский пробел, бесформенный и бесцветный, точно отражение летнего неба в зеркале», как писали критики; спустя полтора десятилетия та же интонация зазвучит у Хьюберта Селби-младшего. Четверо гостей и Кёко ненадолго обретут успех, но за успехом неизбежны падение, разочарование, смерть. Однажды двери дома Кёко закроются. Конец света неотвратим. Мы все по-прежнему живем в его преддверье.

Перевода этого романа на английский поклонники с нетерпением ждут по сей день, а мы впервые публикуем его на русском.

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Литературно-художественное издание

ЮКИО МИСИМА
ДОМ КЁКО

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Редактор Екатерина Весна
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Наталья Витько, Валентина Гончар

Подписано в печать 22.03.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 31,36.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-BRM-31660-01-R